

Стоило Хань Мину развернуться и уйти, как Лин Чжоу тут же последовал за ним.

Ань Ин, прекрасно понимавший, когда нужно уйти в тень, благоразумно исчез еще раньше. Огромный тренировочный зал опустел — в нем остался лишь Дун Яо.

Проводив взглядом Хань Мина, Дун Яо медленно оттолкнулся от ствола векового дерева. Он спокойно скользнул взором по панели управления симулятором. В следующее мгновение, точно-точно как Хань Мин недавно лишил пространство воздуха, заставив кинжал кружиться вспять, хлынул яростный поток ветра и с треском разбил переключатель прибора.

Стоя посреди распадающихся голографических джунглей, Дун Яо смотрел на угасающее в небесах искусственное солнце. Лишь когда оно окончательно погасло, он опустил тяжелый взгляд темно-зеленых глаз и тихо, точно выдыхая затаенную боль, произнес:

— Безжалостен ты, Хань Мин.

Он терпел, сдерживал себя изо всех сил, но в награду вновь получил лишь удаляющийся силуэт. Он даже не знал, вернется ли когда-нибудь его солнце.

Дун Яо не был праведником. Мысль о том, чтобы забрать Хань Мина силой, не раз посещала его. Глухими ночами она возвращалась снова и снова, терзая разум. Запереть, подчинить, связать, присвоить себе без остатка... Каждую из этих безумных фантазий он смаковал до мельчайших подробностей.

Требовать от того, чей врожденный талант — Узурпация, верности унылой мирской морали? Глупо и наивно. И все же он сдерживался. Не потому, что не хотел сорваться, а потому, что не мог себе этого позволить.

Он не был уверен, что сумеет удержать Хань Мина.

Пусть сейчас юноша уступал ему в чистой силе, но если тот решит бежать — никакие стены его не остановят. Как можно пленить солнце?

Светило ласкает мягким теплом лишь издали. Но стоит подойти слишком близко — и пламя выжжет тебя дотла, оставив лишь тлеющие угли и шрамы.

Ему оставалось одно — терпеть. Терпеть, стиснув зубы, день за днем.

Но как бы Дун Яо ни раздвигал границы собственного терпения, солнце выгорело и потеряло интерес первым.

Он прекрасно знал: Хань Мин пришел к нему на службу со своей тайной целью. Но какое это

имело значение? В конце концов, сам Дун Яо тоже никогда не отличался чистотой помыслов.

Осознав однажды, что Хань Мин получает ранения одновременно с ним, Дун Яо быстро сообразил: врожденный талант юноши заставляет его делить чужую боль. И вместо того чтобы побережь себя, Дун Яо озверел еще сильнее. Он сутками не вылезал из боев, бросаясь в самую гущу сражений с чудовищами, чтобы хоть как-то заглушить бесцельную, удушающую скуку собственной жизни.

Он был уверен, что Хань Мина хватит от силы на месяц.

В конце концов, с таким лицом Хань Мину не место на бойне. Его безупречный облик заслуживал сиять в вышине, а не тонуть вместе с ним в багровом месиве из плоти и крови.

И все же, изнывая от непрекращающихся ран день за днем, Хань Мин не отступил ни на шаг.

Дун Яо не был лишен чувствительности. Он лично получал каждую рану и прекрасно помнил ту острую, разрывающую плоть боль, когда клыки чудовищ впивались в его тело. Он просто привык к ней. Но казалось, Хань Мин сросся с этой болью еще крепче.

Если бы не обостренное чутье, позволявшее улавливать едва различимый, но стойкий запах свежей крови, Дун Яо и сам бы поверил, что его помощник невредим.

Видя, как тот буквально ставит на кон собственную жизнь, Дун Яо решил: неважно, какая цель у Хань Мина. Чего бы он ни пожелал, он заслужил это сполна.

Для него Дун Яо не пожалел бы ничего. Но стоило вспомнить прошлое юноши... Все его прежние покровители, стоило им проявить хоть каплю искренней привязанности, получали лишь одно — его холодную спину.

А Дун Яо не желал его отпускать.

Дремучий, вечно дождливый лес, в который впервые за столетия пробился робкий луч рассвета, ни за что не согласился бы вновь лишиться солнца.

Поэтому он терпел.

Но теперь даже терпение потеряло смысл. Начав передавать дела, Хань Мин без слов объявил о своем скором уходе.

Там, в зале совещаний, на долю секунды Дун Яо захотел отбросить все рамки и забрать его силой — рассудок владыки давно помутился под палящими лучами. Однако Хань Мин оказался слишком проницателен. Он сухо отправил его на тренировочный плац, одним махом остудив

жестокий, безумный порыв.

Раз так, у него не оставалось выбора. Даже понимая, что грядущий банкет в честь дня рождения сулит ему полный крах, он был обязан сыграть в эту игру.

Это был его последний, отчаянный шанс.

— Опять дождь намечается... — Дун Яо поднял голову, глядя на тяжелое, давно налившееся свинцом небо за окном.

Когда эта внезапная буря утихнет, покажется ли его солнце над Восточным сектором вновь?

В это же время Хань Мин, поднявшись на верхний этаж бокового зала, остановился у дверей своей спальни. Не спеша заходить, он прислонился к косяку и посмотрел на Лин Чжоу, который молчал всю дорогу.

— Я думал, ты не нападаешь на людей без разбору, — негромко произнес Хань Мин. — В конце концов, у тебя не было для этого причин.

Была.

Лин Чжоу опустил нечеловеческий взгляд золотых зрачков, безмолвно и пристально созерцая юношу.

Воле Вселенной не пристало жаловаться на память.

Все минувшие эпохи хранились в его разуме отчетливыми, кристально ясными образами. И он слишком хорошо помнил, как год назад Дун Яо голой ладонью перехватил клинок, летевший в Хань Мина.

Каждый раз, когда он видел этого человека, каждый раз, когда замечал, как Хань Мин колеблется из-за давней раны своего владыки и раз за разом переступает через собственную гордость, оставаясь в Восточном секторе, тот клинок словно обретал плоть. Он вонзался прямо в его собственное сердце — глубоко, мучительно и остро.

Лин Чжоу не знал, как назвать это чувство.

Но Хань Мин был его звездой, и никто другой не смел исказить траекторию его гравитации.

Он понимал, что обязан любить человечество одинаково, беспристрастно и всеобъемлюще — так он поступал тысячелетиями. Но это хрупкое человеческое тело таило в себе пугающую магию. В ту секунду на тренировочной площадке он просто не пожелал быть милосердным к чужаку.

И если он сдержал удар, то вовсе не из жалости к смертным. Он просто не мог причинить вред самому Хань Мину. Даже косвенно.

— Хань Мин... Кажется, я болен.

В ту секунду, когда он заговорил, за окном оглушительно гроыхнуло.

Под этот глухой рокот Воля Вселенной медленно шагнул вперед. Он словно боролся с искушением протянуть руку, но все же замер в шаге от юноши.

При его росте под метр девяносто даже самая кроткая попытка заглянуть в лицо Хань Мину несла в себе неодолимое, властное давление. Да и высокомерие, вшитое в саму его суть, вместе с хищной, подавляющей аурой никак не вязались со смирением.

— Я не понимаю. Сейчас не время для объятий, но мне все равно нестерпимо хочется коснуться тебя. Снова и снова.

— Хань Мин, мне кажется, я действительно болен.

Слушая этот хриплый, тихий шепот, Хань Мин против воли ощутил, как к горлу подкатывает смехок. Ну и к чему эти жалобы? Он что, аптекарь? Или чудодейственное лекарство, способное исцелить саму Вселенную одним лишь прикосновением?

Как этот тип ухитряется с лицом безразличного божества, взирающего на мир свысока, раз за разом произносить подобные вещи?

Впрочем... Хань Мин нахмурился, заметив, что волосы Лин Чжоу стали как будто еще светлее.

Он знал: Воля Вселенной физически не умеет лгать. В этом мире просто не существовало того, ради кого ему пришлось бы опуститься до обмана. На мгновение Хань Мин действительно засомневался — вдруг с этим могущественным созданием и впрямь творится что-то неладное?

Повинуясь порыву, он протянул руку и коснулся шеи Лин Чжоу справа.

Прохлада его пальцев мгновенно столкнулась с обжигающим жаром чужой кожи.

Решив, что юноша уступил, Лин Чжоу подался вперед, но вторая ладонь Хань Мина уперлась ему в грудь, прямо над сердцем, пресекая эту попытку сократить дистанцию.

— Хань Мин...

— Перестань твердить мое имя, я прекрасно помню, как меня зовут, — раздраженно оборвал его юноша.

Он мысленно обругал себя за глупость. Надо же было повестись на эти бредни! Какая еще болезнь? Если не считать того, что кожа Лин Чжоу была слишком горячей, его пульс и биение сердца оставались безупречно ровными. Этот организм функционировал на самом пике человеческих возможностей.

Да такое тело не пострадает, даже если простоит под ледяным ливнем до самого утра.

Тоже мне, космический мученик.

К счастью, он поспешил и не стал тратить на него оставшиеся попытки считывания эмоций.

Чему там ломаться? У этого существа показатель чувств равен нулю, а физические параметры выкручены на максимум.

Даже если предположить худшее, предел его страданий — банальный тактильный голод.

И Хань Мин вовсе не считал себя виноватым в этом. Скорее всего, Лин Чжоу, никогда прежде не общавшийся со смертными, просто увлекся ощущением чужого тепла.

Под непрекращающийся рокот грома небеса наконец разверзлись ливнем.

В прохладе залетающих на террасу брызг кожа Лин Чжоу казалась еще горячее. Жар струился от его шеи, пробивался сквозь тонкую ткань боевой экипировки на груди, обжигая ладонь Хань Мина.

Но тот больше не собирался попадаться на эту удочку. Он лишь усмехнулся:

— Знаешь, у людей температура поднимается в двух случаях: либо от лихорадки, либо от банальной похоти. Лин Чжоу, ты у нас к какому разряду относишься?

Не давая собеседнику вставить ни слова, Хань Мин тут же вынес вердикт:

— Впрочем, второе тебе точно не грозит. Так что мой совет: иди-ка ты в душ и как следует

охлади голову.

По мнению Хань Мина, этот жар был лишь естественным следствием недавнего боя. Обычный разогрев мышц, который Воля Вселенной по неопытности принял за смертельный недуг. Ну не глупость ли?

А проблемы с тактильным голодом пускай решает сам. Брать на себя ответственность за чужие капризы Хань Мин не нанимался.

Закончив речь, юноша мельком скользнул взглядом по углу коридора.

Там маячил Ань Ин. Хань Мин проигнорировал его присутствие — с такого расстояния дипломат все равно ничего не мог расслышать. Юноша решительно перешагнул порог, захлопнул дверь и оставил растерянное божество мокнуть в коридоре.

<http://bllate.org/book/18306/1755327>